

*Посвящается моей матери,
Фрэнсис Фрумин Вайнер*

2015

Джо

Мобильный зазвонил, когда они выходили из кино. Джо позволила толпе вынести ее из темного зала в светлый вестибюль, вдохнула запах попкорна и зимнего воздуха, исходящий от верхней одежды посетителей, сощурилась от полуденного солнца, сочившегося сквозь пыльные окна, и достала из кармана телефон.

— Алло?

— Джо?

Все стало ясно по голосу доктора, по единственному ее слову. Волшебный шар — игрушка с всплывающим в черной жидкости треугольником с готовыми фразами, который многим помогает в принятии решений, — переключился с *ПОКА НЕ ЯСНО* или *СПРОСИ ПОЗЖЕ* на *НЕ ОЧЕНЬ ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ* или *ПО МОИМ ДАННЫМ — НЕТ*. У Джо перехватило дыхание, во рту пересохло. Жена посмотрела на нее, вопросительно изогнув брови. Стараясь не показывать своих чувств, Джо подняла палец и отвернулась.

Впервые она обнаружила бугорок девять лет назад, моясь в душе, — похожее на гальку уплотнение под

оливковой кожей, когда-то упругой, а теперь покрытой пигментными пятнами. На этот раз опухоль выявила маммография, которую Джо делала на оставшейся груди каждые полгода. «*Видите?*» — спросила рентгенолог, ткнув кончиком ручки в затемнение на снимке. Джо кивнула. Всего лишь крошечное скопление белого цвета среди серого полумрака, не больше булавочной головки, но Джо знала, нутром чуяла, понимала, что это приговор.

— Мне очень жаль, — вздохнула доктор, и Джо заметила свое отражение в окне кинотеатра — лицо изможденное и растерянное. «*Мама снова считает ворон!*» — со смехом воскликнула бы Лайла. «*Оставь маму в покое*», — сказала бы старшая дочь, Ким. Невозмутимая Мисси, средняя дочь, проигнорировала бы обеих и достала из сумки книгу.

Доктор продолжала говорить что-то сочувственное.

— Вы должны приехать, чтобы мы обсудили возможные варианты...

Джо знала, что вариантов нет, по крайней мере хороших. В первый раз она прошла через операцию, облучение, химиотерапию. Лишилась волос, аппетита и энергии, потеряла левую грудь и полгода жизни. После пяти лет жизни без рака она могла бы сказать, что вылечилась — *победила болезнь*, как принято выражаться в этих кругах, словно рак был армией захватчиков, которую ей удалось разбить наголову. Однако Джо никогда не считала себя победителем. Она не верила, что рак и в самом деле прошел, всегда думала, что облегчение лишь временное и где-то в глубине ее костей затаились предательские клетки, ждущие своего часа. С тех пор как однажды после душа она нащупала на мокрой коже

бугорок, на счету была каждая минута. С того самого утра она слышала тиканье часов, становившееся все громче и громче, и этот звук придавал особое значение всему, что она делала. Теперь тиканье сменилось тревожным звоном. *Торопись, твое время на исходе.*

Джо задрожала, несмотря на теплый лиловый пуховик, над которым потешались ее дочери. Под ним — свободная хлопковая кофта и джинсы на резинке, купленные лет пятнадцать назад, старые кроссовки («Полагаю, она надевает их в особо торжественных случаях», — сказала кому-то Лайла на вечеринке в честь семидесятилетия матери, устроенной Ким несколько лет назад). Короткая, как всегда, стрижка, седые некрашенные волосы, никакой косметики, никаких украшений, кроме обручального кольца. Джо захотелось швырнуть телефон на сине-красный ковер, закричать изо всех сил... И тут она вспомнила, что закатила подобную сцену много лет назад, в магазине видеопроката «Блокбастер», теперь канувшем в небытие. Джо до сих пор слышала тот самый звук, с которым ее смех перешел в визг, чувствовала острый запах мятной жвачки от продавца-подростка и руку девушки на своем плече, слышала ее слова: «Мэм, я вынуждена просить вас уйти!» Джо вспомнила, как сгорбилась Лайла, втянув голову в тощие плечи, как дрогнул голос Мелиссы: «Мы уходим, мы уже уходим».

«Время», — думала Джо, сжимая телефон онемевшими пальцами. Ей нужно время — столько, сколько врачи могут дать. Время, чтобы убедиться: для примирения с сестрой сделано все возможное. Время, чтобы заставить Ким поверить: она хорошая мать. Время, чтобы убедить Мелиссу: поступить правильно лучше

поздно, чем никогда. А Лайла... эх, чтобы решить проблемы Лайлы, и вечности мало!

Неужели Бог не даст ей хоть немного времени? Джо готова была застонать, заплакать, швырнуть телефон в яркую картонную фигуру очередного супергероя, перед которым подростки делали селфи с таким видом, словно будут жить вечно. И тут ей в руку скользнула маленькая ладонь жены. Джо сморгнула слезы. *Пожалуйста, Господи, или кто другой, там, наверху, дай мне достаточно времени, чтобы все исправить!*

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

1950

Джо

Четверо Кауфманов стояли на обочине перед своим новым домом на Альгамбра-стрит, словно не решаясь ступить на газон, хотя вполне могли это сделать, ведь теперь газон принадлежал им, как и дом из красного кирпича с алюминиевым навесом над крыльцом. Кауфманам принадлежали также парадная дверь и ведущие к ней ступени, почтовый ящик у тротуара, вишня на заднем дворе и клен возле подъездной дорожки, гараж, подвал и чердак, на который можно подняться по складной лестнице, спустив ее с потолка. Они переезжали из неблагополучной части Детройта, по словам родителей Джо, слишком тесной и вредной для здоровья, полной микробов и болезней, а также людей, не похожих на них, в новый район, в свой собственный дом.

— Ах, Кен! — воскликнула мать Джо, сжав плечо мужа. Ее звали Сара, и росту в ней было только пять футов. Белая кожа Сары всегда выглядела чуть тронутой загаром, на плечи падали блестящие каштановые локоны, под крупным носом атели сжатые губы. Круглый подбородок выдавался вперед, придавая ей

решительный вид, от крыльев носа к губам тянулись глубокие складки. Однако тем памятным утром уголки рта загибались вверх и не хмурились, как обычно. Мать выглядела счастливой и даже почти красивой. Видеть ее такой Джо еще не доводилось.

Джо обняла маму за тонкую талию, чувствуя пояс-корсет под накрахмаленным красным платьем Сары — ее лучшим платьем с пышной юбкой и узким лифом с тремя большими белыми пуговицами по обеим сторонам. Кудри Сары венчала красная шляпка с черной лентой. Мать обхватила Джо за плечи и прижала к себе. Джо стало так уютно, словно она вернулась в одеяло по самый подбородок или нырнула в озеро Эри, где они отдыхали прошлым летом, и попала в полосу теплой воды.

— Ну, девочки, что скажете? — спросил папа.

— Похож на замок! — воскликнула Бетти, младшая сестра Джо. Пятилетняя Бетти была пухленькой и милой, со светлой кожей, которая буквально светилась изнутри, и сине-зелеными глазами. Бетти всегда говорила именно то, что следует. Шестилетняя Джо была высокой и нескладной и почти всегда делала вовсе не то, что следует.

Папа подхватил Джо на руки, и от счастья у нее закружилась голова. У Кена Кауфмана были густые, зачесанные назад темные волосы, бледная, как у младшей дочери, кожа и синие глаза под темными бровями. Пахло от него лавровишневым одеколоном, которым он пользовался каждое утро после бритья. Широкоплечий и плотный Кен был немногим выше своей жены, но, стоя перед собственным новым домом, выглядел высоким, как Супермен из комиксов. Он надел свой лучший серый

костюм, белую сорочку, красный галстук в тон платью Сары и черные ботинки. В то утро Джо помогла ему их почистить: поставила на вчерашнюю газету *Detroit Free Press* и отполировала щеткой с черепаховой ручкой. Джо с Бетти нарядили в одинаковые розовые ситцевые платьица с пышными рукавами, пошитые их матерью, белые носочки с оборками и лакированные туфельки с ремешком на подъеме. Бетти не терпелось примерить новое платье. Джо спросила разрешения надеть любимый комбинезон, и мать нахмурилась: «Почему ты не хочешь принарядиться? Сегодня у нас особенный день! Разве ты не хочешь выглядеть миленько?»

Джо растерялась. У нее не нашлось слов, чтобы объяснить свое отвращение к слову «миленько». Разве мама не знает, как чешутся ноги от носков с кружавчиками, как жмут модные туфельки, какие глубокие красные отметины оставляют на коже резинки от рукавов? В нарядной одежде Джо чувствовала себя неуютно и едва могла дышать, словно ее втиснули в чужую кожу, и мать постоянно на нее шикала, даже если она вела себя тихо. Конечно, Джо была девочкой... просто не из тех девочек, которые любят платья. Джо знала, что матери этого не понять никогда.

— Наш новый дом! — с удовлетворением в голосе объявила Сара.

— Американская мечта, — с гордостью сказал папа, хотя дом вовсе не выглядел мечтой. Он не был похож ни на замок со рвом, что бы там ни говорила Бетти, ни на особняки, которые Джо однажды видела в Гросс-Пойнт, когда их семья ездила туда на пикник. Обычное квадратное здание скучного красного цвета, с треугольной крышей, как на картинке в хрестоматии